

♦ РУССКАЯ КРАСАВИЦА ♦

**Читайте исторические
любовные романы Елены Арсеньевой
в серии «Русская красавица»:**

Нечаянная свадьба

Тайная жена

Страстная-опасная

Любовный водевиль

Сестры-соперницы

Северная роза

Гадание на любовь

Виновница страстей

Свет мой ясный

Крепостная графиня

Роковая вдова

Пленник богини любви

Дуэль на брачном ложе

Две невесты

Любовь как смерть

Лукавый взор

Заморская отравка

На краю любви

Поцелуй фортуны

Ваш милый думает о вас

Русская лилия

ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

ДВЕ
НЕВЕСТЫ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Две невесты : роман / Елена Арсеньева. —
Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-199446-4

Порой судьба столь причудливо бросает свои карты, что сразу и не поймешь, где козыри. Юная красавица Антонина в одночасье лишилась деда и узнала, что отец ее — цыган, к которому убежала в табор ее мать... Всеми силами отказывается девушка от помощи объявившегося брата, цыгана Яноро. Но тот знает, что ей суждено стать женой богача, — а потому Яноро старательно расчищает невесте путь. А что гибнет при этом честь другой невесты, что несчастье множится на несчастье — так это все судьба, перед которой не властны люди! Но не тот у Антонины характер, чтобы слепо следовать судьбе и чужой воле. Она пытается бороться. Только что поделаться, если любимый уже обвенчался с другой?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-199446-4

Судьба свои дела вершит
Не без подмоги человеков...

В. Тредиаковский

Глава первая

ЦЫГАНЕ

— Сивый, Сивко! Иди, иди сюда! Сивушко, миленький! Ну иди же ко мне, башка твоя дубовая!

Голос Антонины сорвался на крик, однако без толку: ни Сивко, ни Сивушко, ни «башка дубовая» с места не двинулся, лишь недоверчиво косил влажными карими глазами на девушку, которая держала в руке увесистый ржаной ломоть.

Конечно, черный хлеб, припорошенный солью, выглядел приманчиво, однако Сивка отлично знал, что за кушак хозяйки заткнута плетка, а в другой руке, спрятанной за спину, зажат недоуздок, которым его в один миг оборатают, лишь только он зазевается. Да еще и плетью угостят! Ну а потом одна дорога — обратно в конюшню, пялиться в унылую деревянную загородку и ждать, когда хозяйка вставит ему в рот железные удила, взвалит на спину седло, вскочит сама и заставит то рысью, то трусцой мотаться на лесам-полям да прыгать через овражки, за малейшее непослушание охаживая по спине плеткой. Такое — Сивка знал — у нее называлось прогулкой. Только разве ж это прогулка?! Прогулка — это когда конь несется куда хочет, а не когда его направляет воля хозяйки, у которой нрав столь прихотлив:

то жесток, то милостив. Мудрено ли, что Сивка не желает под эту волю возвращаться?

Нет, на приманку он не клюнет! Май нынче ранний да теплый, травищи кругом уже вволю, вода в ручьях бежит — как-нибудь проживет он и без хлеба неволи, пусть даже и присоленного!

Конь мотнул головой, да так строптиво, что Антонина, которая затаила дыхание в надежде, что он вот-вот потянется губами к хлебу, мгновенно поняла: ничего не выйдет, Сивка сейчас ускачет и не вернется! Потеряла она коня — не простил той порки, которую задала ему хозяйка вчера за непослушание. Неужто прав был старый конюх Леонтий, который знай ворчал, расседывая Сивку и обтирая его взмыленные да исхлестанные бока: «Конь хоть и животина, а человеческое обращение любит, так будь с ним человечно, ведь и ты, и он Божьи твари!» И дед, значит, был прав, когда терпеливо увещевал: «Тонюшка, душенька, будь ты хоть малость помягче да помилостивее, Сивка тебя лучше бы слушался!»

Антонина не верила, потому что сама никогда не слушалась тех, кто был с нею мягок да милостив: ни няньку свою Дорофею, ни деда Андрея Федоровича, ни, понятное дело, конюха Леонтия. А вот когда приезжала подруга ее покойной матушки, графиня Елизавета Львовна Стрешнева, глядевшая свысока, цедившая слова сквозь зубы, Тонюшка ходила перед ней по струночке! А та на ласку скупилась — бывало, и на нитку Тонюшку сажала, когда та озорничала: привязывала к ножке стола или стула, и Боже упаси ту нитку разорвать — сразу выпорет графиня, да пребольно! Но такое редко случалось, ибо при ней Тонюшка была как шелковая, и в каждом слове ее,

в каждом взгляде можно было услышать и увидеть только одно: желание угодить всемогущей Елизавете Львовне, которая живет в своем имении где-то между Владимиром и Москвой, а в Арзамас наезжает не чаще чем раз в год, чтобы проведать своих старых-престарых незамужних тетушек, обитавших в доме ее покойных родителей, ибо сама графиня родом тоже была арзамасская. Раньше она никакой графиней, честно говоря, не была... просто-напросто граф Стрешнев, случайно встретившись с ней, некогда женился на ней не то из-за несказанной красоты, не то из-за богатейшего приданого, которое помогло ему навести порядок в его вотчине¹ Стрешневке и прочие дела поправить. Теперь графиня то в Стрешневке жила, то в Москву наезжала.

Москва манила Тонюшку так же неодолимо, как манит в студёный день ясное солнышко. Смотрела бы на него да не насмотрелась! Но до солнца добраться можно только в сказках, которые плетет на ночь глядя нянька Дорофея, норовя унять, утешить, успокоить своенравное дитяtko. А дитяtko в сказки не верит — верит только в скупые рассказы Елизаветы Львовны о Москве, о ее ровных мостовых, по которым с утра до ночи, а то и далеко за полночь звонко цокают копыта и гремят колеса, о нарядных и веселых людях, которые в Москве живут. А иные, самые везучие и счастливые, поселились даже не в Москве, а в стольном граде Петербурге, и среди них молодой граф Михаил Иванович Стрешнев, сын Елизаветы Львовны... Это был постоянный посетитель девичь-

¹ В ó т ч и н а — наследственное земельное владение (старин.). Здесь и далее прим. автора.

их снов Антонины — девичьих, но отнюдь не скромных, ибо скромницей она не была отродясь, зато ловко таковой притворялась — именно для графини Елизаветы Львовны. В своей низенькой светелке, которую озаряла свечка, торчащая из закопченного подсвечника, она предавалась мечтам столь смелым и дерзким, что графиня Стрешнева была бы изумлена до крайности, если бы могла о них узнать!

Что и говорить, Елизавета Львовна Стрешнева и сама была отчасти виновата в этих мечтаниях, ибо при каждой встрече с Антониной сулила, что, лишь девочка подрастет, она будет взята в Стрешневку горничной — за красоту и умение угождать. Верно: ежели с кем была Антонина приветлива, ежели и угождала кому, то лишь графине, видя в ней существо безусловно высшее, достойное подражания и почтения.

Госпожа Стрешнева приказала деду Антонины позаботиться о ее образовании, и Антонину научили бегло читать (впрочем, выдуманные истории ее очень мало привлекали!) и разборчиво писать (грамоту она хорошо усвоила и писала куда лучше своего учителя-дьячка). Елизавете Львовне желательно было иметь не столько горничную, сколько хорошенькую и мало-мальски образованную компаньонку (по-старинному говоря, наперсницу) — по той моде, которая установилась в обеих русских столицах в последние времена, когда новомодные европейские обычаи вытеснили дедовские, исконно русские. Как водится и будет водиться из века в век, низшие подражали высшим, так что и дамы придворные, и ко двору не приближенные заводили себе компаньонов — для доверительных бесед и мел-

ких услуг. К тому же графиня Стрешнева любила все красивое, а ведь Антонина была подлинной красавицей: с гладкими, смолью отливающими волосами, смуглолицая, с пухлыми алыми губами, гордым изломом бровей и черными жгучими глазами.

Впрочем, у Елизаветы Львовны была еще одна причина принимать участие в судьбе дочери ее покойной подруги, однако об этой причине никто не ведал, кроме самой графини и Андрея Федоровича Гаврилова, деда Антонины. Он уповал на Божье милосердие и надеялся, что об этом деле так никто и никогда не узнает. Графиня же Елизавета Львовна весьма чтит Евангелие от Луки, в котором сказано: нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Она, при внешней надменности и даже суровости, была жалостлива и надеялась, что печальная правда откроется уже после того, как ей удастся увезти Антонину из Арзамаса, так что удар поразит девушку с меньшей, не убийственной силой.

Нрав Антонина имела вспыльчивый, и когда бури волновали глубины ее души, из ее глаз ну просто-таки искры сыпались! Однако она была умна, а потому умела очаровать любого, если давала себе труд постараться. Да, люди на ее счет могли ошибаться, но животные не ошибались никогда, именно поэтому ни кошки, ни собаки к ней никогда не ластились, хоть и опасались царапаться, кусаться и даже облаивать — чуяли, что для них это может очень плохо закончиться! — а с лошадьми Антонина могла поладить только с помощью плетки. Она не замешкалась бы и сейчас пустить плетку в ход, чтобы укротить упрямого Сивку, однако для этого надо было подо-

браться к нему поближе, а как это сделать, если он даже от хлеба с солью воротит морду свою упрямую?!

Вот уже повернулся, вот сейчас ускачет прочь...

Но Сивка внезапно вскинул голову, насторожился, запрядал ушами, словно прислушивался к чему-то. Шея его тревожно выгнулась. В то же мгновение раздался тихий свист, и Антонина поняла, что свист раздавался и раньше, но она его не расслышала, а конь своим острым слухом уловил этот звук, оттого и насторожился.

Что за свист? На птичий не похож!

Вот свист раздался вновь. Сивка переступил с ноги на ногу, а потом сделал несколько шагов к березовому подлеску. Если он туда канет, сразу из глаз скроется, за ним не уследишь, почует свободу — убежит.

— Стой! — крикнула Антонина, и конь испуганно взвился на дыбы, заметался из стороны в сторону, круша копытами молоденькие деревца и поворачиваясь к бывшей хозяйке. Антонина завизжала было вновь, на сей раз от страха, однако кто-то с силой дернул ее за руку, оттаскивая в сторону.

Антонина изумленно уставилась на маленькую, худенькую, совсем юную девушку с черными кудрями, небрежно прикрытыми переливчатым алым платком. Одета она была в дикую¹ холщовую рубаху и домотканую полосатую юбку. Одежда самая простая, но алый платок... такие нечасто увидишь, на ярмарке за них огромные деньги торговцы дерут, ибо шелк для них везут из каких-то баснословных

¹ Д и к и й х о л с т — небеленый, тускло-серого или соломенного цвета.

стран! Откуда же у этой простенькой девчонки такой платок? Может, украла где-то?..

— Молчи, — шепнула тем временем девушка, глядя на Антонину чуть раскосыми черными глазами. Брови ее прихотливо разлетались к вискам, большой рот, чудилось, постоянно готовился к улыбке. Она была похожа на диковинную птичку. — Не мешай Яноро.

— Кому? — пробормотала Антонина, однако девушка прижала палец к губам и выразительно повела глазами в сторону.

Антонина проследила за ее взглядом и увидела какую-то тень, мелькнувшую в зарослях. Оттуда снова послышался свист, и Антонина заметила, что Сивка уже не мечется, а спокойно переминается с ноги на ногу. Не переставая посвистывать, тень выдвинулась из зарослей — и Антонина увидела, что это человек, одетый в черное. Он метнулся вперед и вмиг оказался верхом на Сивке, яростно крикнув:

— Лачи, бенг рогэнса!¹

К изумлению Антонины, конь не сбросил всадника, даже не вздыбился, а замер, словно заколдованный, и девушка смогла разглядеть незнакомца.

Это был смуглый парень лет восемнадцати-двадцати, не больше, в черных штанах и черной рубаше, подпоясанный веревкой, в лихо заломленной войлочной шляпе, из-под которой выбивались смоляные кудри. В ухе остро блеснула круглая — кольцом — золотая серьга. Ноги его, обутые в высокие сапоги, сжимали бока Сивки. Одной рукой он вцепился в гриву, а другую протянул к Антонине и, не-

¹ Тихо, черт с рогами! (цыганск.)

терпеливо прищелкнув пальцами, на которых сверкнули золотые перстни, отдал какой-то странный приказ:

— Совари!

— Что? — хлопнула Антонина глазами.

— Уздечку ему дай! — подсказала девушка и, не дожидаясь, пока ошеломленная Антонина сообщит, что надо делать, выхватила у нее недоуздок и бросила парню, который ловко подхватил тонкий ремень и, свесившись со спины коня, поднес недоуздок к его рту.

Сивка строптиво вздернул голову.

— Не возьмет! — пробормотала Антонина, оскорбленная тем, что этот незнакомец делает с ее конем все что хочет, а тот слушается.

— У Яноро да не возьмет?! — усмехнулась девушка. — Что ты! Еще как возьмет!

И, прежде чем она проговорила это, конь принял ремень недоуздка и, покорно наклонив голову, потянул зубами листок с березки.

— Гэни-то, сыво-грай! Гожони!¹ — накинув узду на ветку, проговорил парень (Антонина ни слова не поняла, однако по выражению лица угадала, что незнакомец Сивку хвалит), спрыгнул с коня и отошел от него, не сводя с Антонины озорных, даже дерзких черных глаз.

Странно... девушке вдруг показалось, что она уже где-то видела эти глаза, окруженные длинными, круто загнутыми ресницами.

Впрочем, сейчас не до этого странного незнакомца с такими знакомыми глазами.

¹ Хороший конь, серый конь! Красавец! (цыган.)

— Сивка сейчас убежит! — вскрикнула девушка испуганно. — Дай мне узду!

— Тихаэ!¹ — прошипел парень на том же странном языке, однако это слово Антонина сразу поняла и испуганно умолкла.

В самом деле, чего это она разоралась? Испугается Сивка и ускачет прочь...

— Не надо на коня кричать, — негромко сказал незнакомец. — Бить коня не надо. Говори с ним ласково — он все поймет, люби его — он все для тебя сделает.

Ну надо же! И черноглазый туда же! Да слышала, слышала Антонина уже это! От деда, от Леонтия слышала! Надоело, когда повторяют одно и то же!

Она сердито нахмурила брови, но парень вдруг расхохотался:

— Смотри, Флорика, ну до чего она на баро Тодора похожа! Как вылитая! Особенно когда злится!

Антонина вытаращила глаза. Ого, так он не только какой-то тарабарщиной изъясняется! Он и по-русски говорит, хотя и немного странно произносит некоторые слова.

Из какого же он народа? И кто такой этот баро Тодор? Почему Антонина на него похожа?!

Она подозрительно посмотрела на парня. Ишь, одежда его — рвань рванью, а золота на себя навесил — небось даже на графине Стрешневой столько не увидишь! У девушки, которую, как легко было понять, зовут Флорикой, всего одно маленькое колечко, да и то не на пальце, а на нитяном шнурке на шее висит. А этот... золотых дел мастера ограбил, что

¹ Тихо! (цыган.)

ли?! Судя по хищному, дерзкому взгляду, он способен на все что угодно!

Тем временем Флорика внимательно оглядела Антонину и усмехнулась:

— Что ж странного в ее сходстве с баро Тодором? Она и на тебя похожа, Яноро. Ведь вы брат и сестра!

Антонина даже рот открыла. Что за сумасшедшие встретились ей в лесу?! Следовало бы высокомерно посмеяться над их бреднями, однако она едва не задохнулась от возмущения.

— Что вы несете?! — крикнула яростно и даже топнула сапожком, но замерла, вдруг сообразив, где раньше видела эти черные глаза, окруженные длинными ресницами.

Да в зеркале! В зеркале, когда смотрелась в него, любуясь своей красотой, своими глазами, своими ресницами!

У Яноро такие же глаза, как у нее. Совершенно такие же глаза...

— Кто ты такой? — испуганно прошептала Антонина. — И о чем говоришь?

— Я цыган, — усмехнулся Яноро. — И ты цыганка, хотя всего лишь наполовину. Моего отца звали Тодором. Он был и твоим отцом. Ты моя единокровная сестра.

Эти слова были настолько нелепы, настолько оскорбительны, что возмущение помогло Антонине перевести дух и собраться с силами. Дед говорил, что она и впрямь похожа на своего отца, однако им был никакой не баро Тодор, а гвардейский поручик Федор Иванович Коршунов, павший в чужих краях и там же преданный земле. Антонина его никогда не видела — так же, как и свою матушку, умершую при

родах, — однако и дед, и нянька рассказывали, что отец был смугл, черноглаз и черноволос: дочка удалась вся в него.

— Гнусный лжец! — прошипела Антонина. — Все цыгане — лгуны и воры! Кого ты обокрал, что столько золота на себя навесил? А что же девчонке этой всего лишь одно колечко дал?

— Я никого не грабил! — зло сверкнул глазами Яноро. — Золото мне наш отец в наследство оставил! Баро Тодор! А ты знай: цыган в зимние холода лучше мерзнуть будет, но купит не шубу, а куртку с золотыми и серебряными галунами. Мы любим красоту и блеск! Мы свободны и богаты! У нас в таборе все мужчины в золоте ходят. Однако только ромнори, замужние цыганки, драгоценные мониста надевают. А девушка-цыганка не должна носить золото. Да, у Флорики только одно колечко на шее. Это значит, что она просватана. За меня просватана! Она моя невеста! Вот сыграем мы свадьбу — и у нее шея согнется под тяжестью золотых ожерелий! Пойдем с нами в табор, сестра, найдем и тебе мужа. Когда-то твоей матери очень нравилась наша вольная жизнь — ты ее тоже полюбишь.

— Что-о? — протянула Антонина ошеломленно. — Моей матери нравилась жизнь с таким отребьем? Моей матери, честной купеческой дочери?! Да что ж это я?! Какой-то бродяга врет мне, а я уши развесила?! Пошел вон говорю, не то...

Она замахнулась плетью, готовая огреть Яноро, однако тут же вскрикнула от боли в плече. Рука онемела, повисла, как тряпичная, и плетка выпала из бессильных пальцев.

Антонина растерянно повела глазами и перехватила напряженный взгляд Флорики. Знать, не

зря про цыган говорят, будто они воры, первейшие конокрады, ну а все их женщины — ведьмы. Значит, и Флорика такая же: ведь это ее взгляд словно вцепился в Антонину и не дает ей даже рукой шевельнуть!

— Строптивая лошадка моя сестра! — хохотнул Яноро. — Не веришь, что у нас один отец? Ну что ж, спроси своего деда, кто такие баро Тодор и Донка. И помни: цыганская кровь рано или поздно даст себя знать! А еще запомни: если хоть один раз крикнешь на своего коня или плеткой его хлестнешь, он взбесится и затопчет тебя. Мы на него заклятье наложили. Не спасешься, гробом своим клянусь! А теперь прощай... пока прощай. Но мы еще встретимся!

Яноро и Флорика переглянулись, помахали Антонине и канули в чащу. Ни шороха травы не услышала девушка, ни вершины деревьев не колыхнулись, отмечая путь странной пары. Словно растворились цыгане в сумраке лесном!

Ходят слухи, что их племя с чертом водится. Небось и с лешим тоже...

Антонина осторожно шевельнула рукой — та слушалась, как прежде, не болела.

— Сивка, — позвала негромко, и конь повернул к ней голову. — Ну ты смотри, шишига серый, — пригрозила было Антонина, — сызнова начнешь уросить¹, я тебя...

И тут же испуганно осеклась. Конечно, этот паршивый цыган просто пугал, уверяя, будто Сивка мо-

¹ У р о с и т ь — применительно к лошадям: упрямиться, показывать норов (*старин.*).

жет затоптать хозяйку и убить, но что, если это так?.. Нет, лучше не испытывать судьбу. Может, и верно говорил дед, мол, надо быть с конем поласковее? А вот любопытно, скажет ли он правду, если Антонина и впрямь спросит... спросит про баро Тодора и какую-то Донку?

Да она и спрашивать не станет! Вот еще! Больно надо!

— Сивка, Сивушка... — Тихонько бормоча, Антонина подвела коня к пеньку, встала на него и наконец забралась верхом. При этом она вспомнила легкость, с какой взлетел на спину Сивки Яноро, и даже оскалилась от злости.

— Ишь, вскочил, ровно на своего коня! — проворчала сердито, но конь недовольно ржанул, и Антонина спохватилась.

— Домой, Сивушка, домой, милый, — пропела она ласково и легонько тронула коня каблуками. Вспомнила о валявшейся на земле плетке, но возвращаться и поднимать ее не рискнула — похлопала коня по шее, направляя в объезд чужого овсянища¹.

А вдруг и впрямь цыган не врал и Сивка может взбеситься? А что, если он не врал и о Тодоре?

Нет, не может быть! Он врал, конечно, этот проклятый цыган! Ничего не станет спрашивать Антонина у деда!

Однако она уже знала, что не выдержит — и все-таки спросит... На миг сделалось страшно, словно неведомое будущее вдруг встало лицом к лицу с Антониной и насмешливо заглянуло в ее глаза. Но остановиться она уже не могла.

¹ О в с я н и ш е — поле, засеянное овсом (*старин.*).

Глава вторая

ПРИМЕТЫ НЯНЬКИ ДОРОФЕИ

Дед, как назло, все никак не возвращался домой. Еще с утра уехал в Арзамас, на свой склад, куда должны были прислать из Нижнего новый товар. И вот уж вечер настал, а его нет и нет!

— Ну где он там запропастился?! — нетерпеливо шептала Антонина, когда и отобедали, и к ужину накрыли, а дед так и не появился.

— Угомонись, милая, — ласково увещевала Дорофея. — Погляди, какой калабан¹ нынче выпекся: известное дело, коли часть отслоилась от каравая, кому-то поездки не миновать. Знать, Андрей Федорович уже в дороге!

— Если тебя послушать, у нас ежедень хлебы с такими горбами должны выпекаться, потому что Андрей Федорович ежедень в дороге, — огрызнулась Антонина, нетерпеливо возя ножом по столу.

— Не балуй, нечистую силу навлечешь! — наставительно изрекла Дорофея и потянулась было забрать у девушки нож, однако Антонина отдернула руку:

— Вели мясо нести, я есть хочу! Не буду больше ждать!

Она перевернула каравай уродливой горбушкой вниз (смотреть противно!) и принялась резать хлеб.

— Поверни горбом кверху! — погрозила пальцем Дорофея. — Беду накличешь!

Антонина, неуступчиво сдвинув брови, продолжала кромса́ть хлеб. Нож противно скрипел в корке.

¹ К а л а б а н — хлеб (*старин.*).

— Экий квёлый!¹ — сморщила нос Антонина.

Ломти получались неровные, где толще, где тоньше.

— Коли неровно и трудно хлеб режешь, такова и жизнь у тебя будет неровная и трудная! — проворчала Дорофея, которая была набита приметами, словно подушка пером. Обычно приходилось выслушивать не меньше десятка предостережений подряд: дед только посмеивался и называл Дорофею бармой бесценной², а Антонина пропускала воркотню няньки мимо ушей, ибо та по старости иногда заворачивалась, однако сейчас не выдержала и, отбросив нож, воскликнула:

— Хватит! Надоела!

Нож слетел со стола и вонзился в пол.

Дорофея громко ахнула и зажала рот рукой, уставив на Антонину вытаращенные глаза.

— Что еще? — рывкнула та.

Дорофея забормотала сквозь пальцы что-то невнятное, Антонина даже не сразу разобрала, что там пророчит нянька.

— Да ведь это к покойнику! Коли выпадет из рук нож, когда хлеб резали, да воткнется острием в пол, — жди покойника в доме!

Антонина вскочила, выдернула нож, застрявший острием между половицами, и, поигрывая им, выпалила угрожающе:

— Если не перестанешь попусту болтать, примета сбудется. И знаешь, кто будет этим покойником?..

Дорофея так и ахнула, так и замахала руками:

¹ К в ё л ы й — здесь: непропеченный (*старин.*).

² Б а р м а б е с ц е н н а я — в переносном смысле: болтуня бесполезная (*старин.*).

— Да ты что, Тонюшка? Не ума ли решилась? Ишь как глазами засверкала — ну точно цыганка! Вся в отца!

И снова зажала себе рот, и снова вытаращила глаза, и даже не обратила внимания, что нож вывалился из рук Антонины и опять вонзился в пол.

У девушки застучало в висках.

— Что ты сказала? — пробормотала она, не слыша собственного голоса из-за шума крови в ушах. — Что?!

Дорофея растерянно заморгала, заюлила глазами, забормотала:

— Да я что... да ничего... просто так... я и раньше говорила, что ты вся в отца, он такой же чернящий был да глазищами сверкал...

Да, она так говорила, правда. И дед говорил. Раньше Антонина не обратила бы никакого внимания на обмолвку Дорофеи насчет цыганки, но после утренней встречи, после того, что ей сказали Яноро и Флорика, все изменилось!

— Да разве ж Федор Иванович Коршунов, батюшка мой, был цыганом? — спросила Антонина как можно спокойнее, чтобы Дорофея тоже успокоилась.

— Каким цыганом, окстись, не болтай чего попало! — решительно махнула рукой Дорофея, но тотчас опять заюлила глазами, забормотала: — А может, и был, откуда мне знать, если я его никогда не видела?

— Как не видела? — насторожилась Антонина. — А на свадьбе? Ты же говорила, что с матушкой моей не расставалась никогда! Была сперва у нее горничной, а потом моей нянькой стала! Кто же ее к венцу прибирал, если не ты?